

Е.Ю. Ромашина

«ЗАБАВА И ПОЛЬЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ»: АЗБУКА В КАРТИНКАХ В УЧЕБНОМ КНИГОИЗДАНИИ РОССИИ XIX в.¹

***Аннотация.** Рассмотрены и проанализированы азбуки в картинках, изданные в России в 1815–1893 гг. Предложена типология этих изданий в зависимости от их контента и структурно-функционального соотношения текста и визуального ряда. Азбука в картинках охарактеризована как особый «пограничный феномен», занимающий срединное положение между учебным пособием и игрушкой. На основе социокультурного, семиотического, лингвокультурологического и дидактического анализа автор приходит к выводу, что азбуки в картинках, тем не менее, следует отнести к учебным изданиям, поскольку в них заложены: цели и задачи образования; дидактически обработанное содержание опыта человеческой деятельности; определенная форма организации учебного процесса; выраженная технология и методика преподавания и учения.*

Ключевые слова: азбука, учебник, визуальный ряд, обучение чтению, грамота.

В истории начального образования есть довольно интересное явление, некий «пограничный феномен»: учебник – неучебник, игрушка – неигрушка – азбука в картинках. Оформление издания хорошо знакомо всем: крупная буква и рисунок-подсказка. Все мы такие видели, покупали, дарили детям, наблюдали, как малыш тычет пальчиком в «арбуз» или «барабан» и затверживает *А* и *Б*. Между тем за внешней обыденностью и простотой скрывается долгая, занимательная, а для педагога и поучительная история.

Для начала зададимся «простым» вопросом: можно ли считать такую азбуку учебником? Любая книга – это модель человеческого опыта в определенной сфере деятельности (в том числе опыта прогностического и проектировочного). Школьный учебник – модель чрезвычайно сложная, комплексная, совмещающая в себе разные

¹ Работа поддержана грантом Отделения социальных и гуманитарных наук РФФИ № 16-06-00113а.

виды, «слои» и уровни этого опыта. С одной стороны, вполне очевидно, что школьный учебник является *информационной* моделью, и в этой своей ипостаси практически не отличается от книги научной или научно-популярной. С другой стороны, в учебнике моделируется *процесс обучения*, репрезентируется некий *педагогический* опыт. Именно это условие является главным для определения сущности учебника как такового, именно оно делает книгу собственно учебником².

Средневековая книжность не знала разницы между учебной и неучебной литературой. В современном понимании учебник – не только модель учебного предмета, но и целостная модель образовательного процесса. Эволюция школьного учебника, его превращение из «книги, годной школярам», в сложнейшую современную систему – это, прежде всего, эволюция педагогического опыта и педагогической науки со всеми промежуточными ступенями и нелинейным характером развития.

Сегодня дидактика полагает, что в учебнике должны быть заложены и при его посредничестве реализованы цели и задачи образования (общие и конкретные); дидактически обработанное содержание опыта деятельности человека (и человечества) в той или иной сфере; определенная организационная форма процесса обучения; выраженная технология и методика преподавания и учения [1. С. 27–28; 2. С. 104–110].

«Примерим» эти критерии к азбукам в картинках, изданным в России на протяжении XIX в.

Нами рассмотрены *de visu* 12 изданий 1815–1893 гг.³ Разумеется, эта выборка не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающей,

² Отметим, что в качестве модели человеческого опыта учебник равно направлен в прошлое и будущее: в нем заложен опыт уже свершившийся и, вместе с тем, латентно представлен опыт потенциальный – тот, которого еще нет, но который может / должен осуществиться. Причем возможность / долженствование касаются как ученика, познающего основы наук, так и учителя, посредством методической рефлексии превращающего «потенциальную энергию» в «кинетическую».

³ Интересующихся полной библиографией адресуем к специализированным изданиям и базам данных [3, 4].

но полагаем, что осуществленный социокультурный, семиотический, лингвокультурологический и структурно-функциональный анализ позволил нам получить результаты, важные при изучении других аналогичных пособий.

В качестве существенного и, как нам кажется, крайне интересного *общего* признака отметим, что во *всех* проанализированных азбуках-картинках информация представлена дискретно: смысловое пространство буквы (вербальное и визуальное) очерчено явно и точно. Это либо особая клетка в таблице, либо отдельная страница, либо даже самостоятельная карточка / открытка. Буква живет своей частной жизнью, границ не нарушает, с соседками не общается и не взаимодействует. Способ организации общего визуального ряда наталкивает на мысль: учим именно буквы, но и только⁴.

Наряду с этим наблюдением можно выделить три разных типа учебных пособий в зависимости от того, *что* находится в таком «индивидуальном поле» каждой буквы:

1) «сюжетный тип»: буква; короткий текст (как правило, стихотворный), который начинается с данной буквы или включает ее в свой состав; сюжетная иллюстрация, содержательно и функционально связанная с текстом;

2) «предметный тип»: буква (иногда повторенная несколько раз с использованием разных шрифтов); слово (или несколько) на эту букву; изображение предмета / человека / действия, соответствующего слову; церковнославянское «имя» буквы (в некоторых изданиях);

3) «мозаичный тип»: буква (повторенная несколько раз с использованием разных шрифтов); знаки препинания; цифры; несколько иллюстраций; лист разрезан (или будет разрезан) на от-

⁴ Не беремся утверждать, что это осознанный шаг авторов / составителей подобных азбук. Откуда взялась традиция такой жесткой пространственной «сетки», сказать сложно. Отметим только, что в английском языке для обозначения аналогичных изданий существует термин «platebook», который несет в себе значения: пластина, лист, полоса, печатная форма, гравюра, вклейка [5. С. 12]. Набором таких пластин, плакеток и выглядят азбуки в картинках.

дельные карточки, пособие представляет собой «подвижную» или «складную» азбуку.

В нашем корпусе источников первый тип изданий оказался достаточно немногочисленным (3 пособия), хронологически они «разбросаны» по всему рассматриваемому периоду: годы изданий 1814(5), 1871 и 1889.

«Подарок детям в память 1812-го года: [Азбука в стихах и картинках]» (1815), более известная как «Теребенёвская азбука» (по фамилии художника-составителя), – издание крайне редкое [6]. Оно состоит из 34 отдельных листов форматом 80×110 мм в общем футляре (все изображения были гравированы на трех больших досках и впоследствии разрезаны). На каждом листе расположены карикатура, выполненная в технике офорта и вручную раскрашенная акварелью, а также сатирическое двустишие, начинающееся на определенную букву (или содержащее ее в тексте). Оригиналами для «азбуки» послужили так называемые летучие листы – отклик художников И.И. Теребенёва, А.Г. Венецианова, И.А. Иванова на события войны 1812 г.; автором стихотворных строк (и инициатором создания Азбуки), по-видимому, выступил Иван Теребенёв⁵.

Пропагандистские «летучие листы» появились в России осенью 1812 г., в конце 1814-го лучшие из них были заново гравированы на меди и составили «Азбуку». Первоначальные изображения были полностью сохранены (в «Азбуке» иногда это зеркальный оттиск), а вот текст подписей в ряде случаев стал иным. Мы обнаружили ряд трансформаций.

1. Изображен француз со вздыбленными волосами, который едет в санях, запряженных свиньей; первоначальный текст (1813 г.) – «Французский вояжер в 1812 году», текст в «Азбуке» (на букву «Ч»):

*Что дѣлать! – знать пришло свиную милость чтить,
Лошадокъ нѣтъ! – пора свиньямъ меня возить.*

⁵ Читатель может подробно познакомиться со всеми листами «Азбуки» в виртуальной галерее «Гравюра в России XVIII – первой половины XIX столетия» ГМИИ имени А.С. Пушкина. URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/t/tere-benev_ivan_ivanovich/a.shtml

2. «Наполеонова пляска»; текст 1813 г.:

*Не удалось тебѣ насъ переладить на свою погудку:
Попляши же босурманъ, подѣ нашу дудку!*

В «Азбуке» (на букву «Ж»):

*Желалъ насъ вышколить ты на свою погудку.
Анѣ нѣтъ не удалось, пляши жѣ подѣ нашу дудку.*

3. Врачи окуривают Наполеона «целебным» дымом, клещами стаскивают с него шляпу, сапоги и т.д. Текст 1813 г.:

*Карантинъ для Н... по возвращеніи его изъ Россіи. Завоевалъ бы
Россію; да моръ на мои войска. Чуть было и меня не сразилъ! при-
нужден окуриваться!..*

В «Азбуке» (на букву «З»):

*Заразу отъ штыковъ и ядръ Россійскихъ знайте,
Окуривайте все, скорѣе помогайте.*

Таким образом, можно говорить, что двустигмья были созданы специально для азбучного формата (или переписаны под него) с учетом необходимости использования *всех* букв алфавита. Многие подписи начинаются теперь с междометий: *Ась! Ей! Э,э! И-И, ребяташки* и т.д. В ряде строк «имя» буквы включено в текст: *Ъ есть последняя из букв в Российском слове...; весь сгорбился въ Ѳ-ту* и др.

Согласимся с мнением Н.Н. Вольской о том, что каждый лист «Теребенёвской азбуки» представляет собой так называемый креолизованный текст, т.е. его «вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [7]. Особенно явно это прослеживается в ряде иллюстраций. Например, изображение Наполеона, обнимающего гриб размером с себя, с подписью:

Возрос как гриб и пал, познав ты суету.

Что делает теперь? Весь сгорбился в Ѳ-ту.

В этом случае воздействующая (персуазивная) функция карикатуры обеспечивается «содержательной взаимодополнительностью образа и текста» и реализуется такими средствами, как метафора, метонимия, сравнение, эпитет, риторический вопрос и т.д. [7]. В данном аспекте многие исследователи проводили параллели

между карикатурами 1812-го г. и традиционным русским лубком: изображение и текст соотнесены в них не как иллюстрация и пояснение, а «как тема и ее разворачивание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действо» [8. С. 482–493; 9. С. 202].

Н.Н. Вольская справедливо отмечает, что для адекватного понимания такого сложного «поликодового» текста читателю были необходимы «фоновые знания» – некая совокупность представлений, которыми обладают носители того или иного культурного менталитета [7; 10. С. 352]. В данном случае это широко известные исторические события, которые связаны с набором определенных коннотаций и запечатлены (или реконструированы) художником с той или другой эмоциональной оценкой [11. С. 170]. Возникает закономерный вопрос: способен ли был ребенок 6–7 лет адекватно прочесть, понять, интерпретировать этот сложный, двусоставный культурный код? Утвердительный ответ на этот вопрос неожиданным образом находится в «Дневнике старого врача» Н.И. Пирогова:

Я хорошо помню, что учился [грамоте] именно по карикатурам, изданным в виде карт в алфавитном порядке. Первая буква А представляла глухого мужика и бегущих от него в крайнем беспорядке французских солдат с подписью:

Ась, право глух, Мусью, что мучить старика.

Коль надобно чего, спросите казака [12. Стб. 118].

Интересны комментарии, которые даны Пироговым к этому воспоминанию. Во-первых, он сомневается, не «наведенная» ли это память, поскольку видел эти изображения потом много раз. Во-вторых, рассказывает о своем детском непонимании смысла картинки на букву *Щ*. В-третьих, отмечает, что учение по карикатурам развило в нем «склонность к насмешкам и стремление подмечать в людях скорее смешную и худую сторону, чем хорошую» [12. Стб. 119]. Однако в чем Николай Иванович не сомневается, так это в том, что именно «Теребенёвская азбука» рано развила в нем «любовь к славе отечества».

Современные авторы научных, научно-популярных и публицистических текстов, посвященных данному изданию, подчеркивают

именно эту направленность пособия: «...первое в России адресованное детям сатирическое издание, насыщенное политическим содержанием, которое воспитывало чувство патриотизма, гордости за свою Родину, уважение к простому народу, победившему могущественного врага», гравюры «предоставляли детям возможность знакомиться с патриотическими идеалами и духовными ценностями российского общества, воспитывали патриотизм и гуманизм» и т.п. [7, 13]. Несложно представить себе картину, когда взрослый рассматривает с ребенком гравюры И. Терebeneва, читает подписи, поясняет и дополняет их рассказами очевидца недавних событий, беседует о «славе отечества». Возможно, ребенок запоминает при этом буквы. Но вот научиться таким образом читать... Думается, пример Пирогова здесь скорее исключение, чем правило.

Тот же принцип построения мы видим в «Азбуке из разносчиков с прибаутками» (1871): на каждой странице книги – буква, стихотворный текст, картинка [14]. Но культурный код здесь много проще: на всех иллюстрациях представлены мужики-коробейники с разным товаром, текст – это их «рекламные» прибаутки (рис. 1).

Издание имеет подзаголовки: «Для елки» и «Подарок детям». Веселое развлечение здесь, конечно, обеспечено. А вот эффект научения чтению опять же сомнителен. Особо подчеркнем, что в ряде текстов презентруемая буква смысловым образом с иллюстрацией не связана:

– на букву Ж:

*Жаль мне очень вспоминать,
Когда сбитень в моде был,
Стали сей напиток понимать
Иначе, кто пил и тот его забыл.*

– на букву Х:

*Хотите ветчины закусить?
Прикажите уж так и быть
Фунтика два отвесить,
Кстати и сырку привесить.*

Наше вамъ почтеніе-сь!
Калачиковъ-те купите-сь,
На вкусъ удивленіе-сь!
Отвѣдайте коль хотите-сь.

Рис. 1. «Азбука из разнощиков с прибаутками» (1871. Л. 13)

На иллюстрациях – соответственно продавцы сбитня и бакалейного товара. Как запомнить букву? Что является подсказкой? Задействован довольно длинный ассоциативный ряд, а приводит ли он к необходимому результату, это вопрос. Впрочем, есть очень выразительные тексты, функционально и по смыслу совпадающие с иллюстрацией:

*Игрушки, игрушки,
Вот уж будут пирушки.
Как купит вам мамаша
И похвалит папаша.*

Еще одно пособие подобного типа – «Новая русская азбука с картинками» (1889), книжного формата с «таблицей» из 4 изображений на каждой странице [15] (рис. 2). Букву здесь сопровождают сюжетная иллюстрация и стихотворный текст. Абсолютное большинство строк – из басен И.А. Крылова, 2 фрагмента – из басен К.П. Масальского⁶, 2 принадлежат перу И.И. Дмитриева⁷, 1 – из народной сказки (проза). Букве соответствует не текст, а его заголовок: *Б* – «Белка», *Д* – «Демьянова уха», *М* – «Мартышка и очки» и т.д. Отметим, что составитель «Азбуки» обошелся с заглавиями басен достаточно «вольно»: для того чтобы охватить все буквы, порядок слов иногда изменен (вместо «Котел и горшок» – «Горшок и котел», не «Волк и ягненок», а «Ягненок и волк» и т.д., всего таких измененных заглавий 5), в одном случае в заголовке появилось новое слово (в оригинале басня И.А. Крылова называется «Тень и человек», в «Азбуке» – «Шалун и тень», соответственно на букву *Ш*) (рис. 2).

Интересно, что выбранные составителем стихотворные фрагменты, как правило, не являются ни началом басни, ни ее морально-кульминацией. Зато достаточно точно соответствуют иллю-

⁶ Константин Петрович Масальский (1802–1861) служил в министерствах внутренних и иностранных дел, в департаменте законов Государственного совета, Государственной канцелярии, в V отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Русский писатель, автор исторических романов. В 1821 г. дебютировал как поэт и баснописец, известность приобрел как автор исторических романов.

⁷ Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) – полковник, товарищ министра департамента уделов, обер-прокурор 3-го департамента Сената, член государственного совета, министр юстиции, действительный тайный советник. Впервые был опубликован в 1777 г. в журнале Н.И. Новикова «Санкт-Петербургские учёные ведомости», автор многих, в том числе сатирических стихотворений, сказок и басен (в основном переводы с французского); был дружен с Н.И. Карамзиным, встречался с И.А. Крыловым, Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным.

страциям⁸. Можно предположить, что именно текст подбирался к изображению, а не наоборот.

Рис. 2. «Новая русская азбука с картинками» (1889. С. 2–3)

Итак, рассмотренные пособия содержали алфавитный ряд прямого порядка, и в них не было никаких материалов для отработки приемов звукослияния, слогового и связного чтения. По ним можно было выучить буквы. Тексты и многофигурные иллюстрации служили «поводом» для просветительских и – еще более – воспитательных бесед с ребенком. Но сомнительно, чтобы, занимаясь по ним, можно было научиться читать.

⁸ К сожалению, нам не удалось установить авторство иллюстраций. Но явно автор у них один.

«Предметная группа» пособий – самая многочисленная (8 изданий). Как мы уже сказали, в них букву сопровождает начинающееся на нее слово (слова) и соответствующее изображение(я). Отметим следующие особенности данного типа источников.

Достаточно часто к букве подобраны отнюдь не самые простые и «ходовые» слова и не слишком очевидные изображения: *Ж* – жеребец – нарисована лошадь, встающая на дыбы; *И* – изба – бревенчатый дом; *О* – «огнедышущая гора» – пейзаж с действующим вулканом; *С* – сирена – женщина с рыбьим хвостом; *Ө* – Федя – мальчик с платком и т.д. [16] (рис. 3). В этом случае припомнить букву, опираясь на картинку, нелегко: в ряде случаев, не умея читать, сообразить, что же тут изображено, практически невозможно.

Рис. 3. «Драгоценный детский подарок: Азбука в картинках» (1845. С. 1)

В данных пособиях, как правило, «поле» буквы сформировано многофигурной иллюстрацией: либо один (или главный) предмет на переднем плане «вписан» в уместный пейзаж, либо несколько предметов (и / или людей) содержательно и визуальнo объединены в группу (дерево, деревня, домики, дорога; лошадь, лакей, лавоч-

ник, лавка; мальчики, мячики, мельница, место и т.д.) [17]. Интересно, что изображаются (и называются) в том числе вполне абстрактные понятия: *Н* – нищий, немочь, нужда [Там же], а также обозначены не предметы или явления, а процессы: *И* – игра в кегли, *У* – учение [18], *В* – возвращение [19. Л. 3] и т.п. (рис. 4, 5). В «Азбуке в картинках для маленьких детей» (1893), впрочем, на странице с каждой буквой представлены разрозненные по смыслу одинакового размера изображения. Соответствующие слова в ней разделены на слоги (Ар-фа. Ан-гел. Ар-буз. А-раб. А-ист. Ар-шин. А-ба-жур) [20. С. 3].

Рис. 4. «Русская азбука в картинках» (1857. Л. 6)

Рис. 5. «Забава и польза для детей. Азбучка-незабудочка» (1866. Л. 1)

Азбуки этого типа представляют собой и собственно книжку, и отдельные листы разного формата (в том числе *in folio*), и «гармошку» страничек. В двух последних случаях (издания 1889 и 1893 гг.), вероятно, предполагалось разрезать пособие на отдельные карточки.

Интересно отметить, что в названиях данной группы источников (как правило, в подзаголовке) часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, порождающие определенного рода коннотации: «жемчужинка», «незабудочка», т.е. маленькая, но красивая и особо ценная вещь, не подлежащая утрате и забвению. Эпитеты в адресации азбук тоже «говорящие»: для маленьких детей, для миленьких друзей, для прилежных детей, для добрых детей, для умненьких малюток, маленький грамотей и т.п.

Сама азбука нередко названа «подарком», что, с одной стороны, подчеркивает ее значимость и ценность в глазах взрослого-покупателя / дарителя и ребенка-читателя, а с другой – зримо «уводит» от скучного понятия «учебник» [21].

Среди иллюстрированных азбук XIX в. достаточно много полиязычных. В числе рассмотренных нами пособий назовем «Живописную азбуку, или Российско-немецко-французские склады» (1838) [19]. Это 32 отдельных листа (в общей папке) с гравюрами, «изображающими разные любопытные предметы», буквами и словами-подписями на трех языках. Отметим, что в ряде случаев связка картинка–буква–слово «работала» во всех вариантах текста, но иногда – только в русском, поскольку буква, с которой слово начиналось по-немецки и / или по-французски, могла быть той же, но чаще – иной. Интересный вариант – когда звук был идентичным, а буквенное обозначение существенно разнилось (рис. 6).

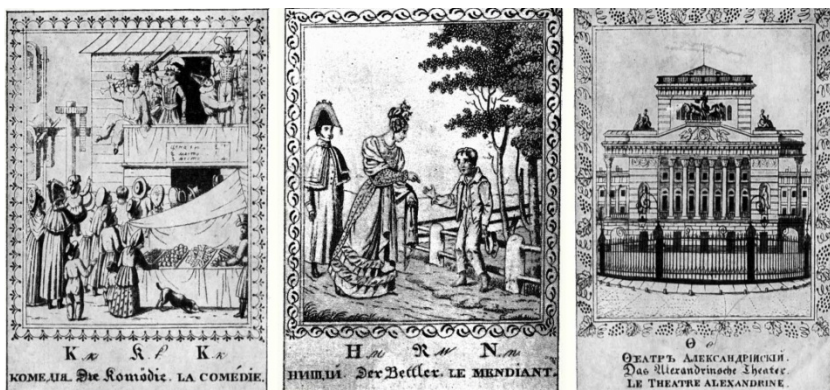

Рис. 6. «Живописная азбука, или Российско-немецко-французские склады» (1838)

С точки зрения современного методиста, весьма загадочно выглядит «Азбучка» из «раскидных картинок» с изображениями животных и птиц (1864, 1866, 1871) [22]. На каждой карточке – две буквы (в прямом алфавитном порядке), иллюстрация и слово-подпись к картинке. Буквы не совпадают ни с изображениями, ни

со словами: *Д* и *Е* – лошадь, *О* и *П* – шакал и т.д. (рис. 7). Возможно, такой вариант азбуки напрямую не использовался для системного обучения грамоте, и подобное издание ближе к «азбучным детским игрушкам» типа лото, которые были известны в России уже с конца XVIII в. и находятся «по другую сторону» границы «учебник–неучебник»⁹.

Рис. 7. «Азбука» (1864)

Последний выделенный нами «мозаичный» тип пособий – самый любопытный (2 издания): они дальше всего от учебной книги в ее привычном облике и ближе всего к игрушке.

«Новая русская азбука в картинках» А. Умнова (1884) представляет собой 3 отдельных листа односторонней печати (формат $\frac{1}{2}$ п.л.), расчерченных в виде таблицы: на двух их них в каждой «клетке», поделенной диагональю на два треугольника, помещены буквы и слова, на третьем – рисунки [24] (рис. 8).

⁹ Такого рода издания называет и описывает Н.А. Оболянинов в разделе «Игры детские» своих «Заметок о русских иллюстрированных изданиях»: «Игра Ханова, способ играя научить дѣтей азбукѣ. М., 1793. 8, 2 з. л., 4 н. л. на рус. и франц. яз., 150 шелег (?) и 25 картъ; Игра – лото калейдоскопъ № 1, приспособленная къ изученію русской азбуки. – 5 стр., 22 л. съ чертежами, таблицами; Живописное лото или легчайшій способъ научиться выражаться по-франц. и по-нѣмецки. М., 1852. 4 л. in folio; Новое живописное лото, или Легчайшій способъ научиться выражаться по-русски, по-французски и по-нѣмецки. 1856. 1 л. folio печат., 2-й л. 8° съ виньетомъ, 3 и 4-ый folio, литогр. по 90 изображ. на листѣ». Подчеркнем, что Оболянинов рассматривает эти издания именно в разделе «Игры детские», а не в разделе «Азбуки». Впрочем, понятно, что границы здесь весьма условные [23].

Рис. 8. Умнов А. «Новая русская азбука в картинках» (1884)
(коллаж их фрагментов)

Можно предположить следующие способы работы с «Азбукой». Первый: разрезаем листы и «превращаем» их в карточки ло-

то; глядя на картинку, ребенок подбирает к ней и складывает вместе «треугольники рисунков» с «треугольниками букв». Второй: разрезанные листы склеиваем так, чтобы получились карточки, где с одной стороны – буква и слово, а с другой – картинка; ребенок смотрит на рисунок, знакомится с буквой или припоминает её, переворачивает карточку и, глядя на оборот, проверяет себя. Возможно, оба эти (и / или еще какие-либо) способы применялись последовательно.

«Занимательная роскошная азбука-жемчужинка» (1885) выглядит действительно роскошно даже по нынешним меркам. В Предисловии издатель «льстит себя уверенностью, что [она]... может быть поставлена гораздо выше всех подобного рода общедоступных изданий» – отдадим ему должное, это действительно так [25]. Автор отмечает, что «Азбука» составлена «по фребелевскому методу – учить забавляя». Интересно, что «учение» и «забава», хотя и объединены здесь под одной обложкой, но как процессы не связаны между собой. В «Азбуке» имеются 5 цветных картин, которые должны быть разрезаны на квадратики и затем сложены детьми «как китайская головоломка» (мы бы сейчас сказали, как пазл). Помимо них «в коробке заключаются 144 квадратики или 180 букв (5 разной величины алфавитов)», что позволяет ребенку в специальной рамке собирать «как отдельные слова, так и целые предложения». Создатели «Занимательной азбуки» уверены, что «детей, конечно, заинтересует возможность выложить хотя бы свое имя, отчество и фамилию», а затем обратиться к другим словам, цифрам и знакам препинания. Однако картинки-пазлы и алфавит никак не корреспондируют друг с другом: яркие и привлекательные карточки (изображения на них явно сделаны с европейских клише) с научением чтению никак не связаны (рис. 9).

Пособия третьего типа, представляющие собой так или иначе «подвижную азбуку», – особое явление среди учебных изданий. С одной стороны, это никак не книжка для обучения грамоте – в них нет ничего, кроме алфавита и рисунков. С другой – из-за наличия нескольких (многих) комплектов букв и возможности их складывать, комбинировать, сдвигать и раздвигать они создают

определенное «обучающее пространство», которое является интерактивным (осознанно используем тут это современное понятие, оно кажется нам вполне уместным в данном контексте) и в силу этого – потенциально эффективным для освоения грамоты. Возникает парадоксальная ситуация: формально пособия данного типа дальше других отстоят от привычного «книжного» учебника, но с точки зрения результата обучения, вероятно, именно они были более эффективными. Особо подчеркнем, что для нас настоящим откровением стал факт издания и распространения такого рода пособий в России еще с середины XIX в.

Рис. 9. «Занимательная роскошная азбука-жемчужинка» (1885)

В заключение отметим еще один общий для всех рассмотренных пособий признак. Эти издания – не для школы. Реконструируя воз-

возможные способы работы с ними, с большой долей вероятности предположим, что занимались по ним дома – взрослые с детьми 6–7 лет.

Итак, вернемся к нашему вопросу – учебники ли это? Заданы в азбуках-картинках какие-либо цели и задачи образования? – Да, и эта цель – выучить алфавит. Можно ли считать их информационный контент дидактически обработанным? – Вполне, так как он приспособлен к возрастным и психологическим особенностям ребенка. Определены организационная форма и методика преподавания и учения? – Форма определена достаточно четко: индивидуальное домашнее обучение; предлагаемые методики поддаются достоверной реконструкции: мнемонические приемы, соотнесение объектов, комбинирование букв и т.д.

Конечно, в разных пособиях та или другая характеристика выражена / реализована более или менее явно / неявно и удачно / неудачно. Но в целом, полагаем, рассмотренный трехчастный «класс» пособий можно считать учебниками – весьма специфичными, но все-таки учебниками. Очень сомнительно, чтобы, занимаясь по ним, ребенок мог научиться бегло читать. Но запомнить буквы – их начертание, церковнославянские и гражданские «имена», звук(и), ими обозначаемые, – мог. В этом и состояла основная функция этих пособий. Можно сказать, что такую форму принимала «выносная» или «автономная» часть «полных» азбук и букварей – та самая, освоение которой подразумевало собственно первичное научение грамоте¹⁰. Дальнейшая отработка навыка чтения осуществлялась на основе иных учебников.

Подводя итоги, попробуем вписать рассмотренные азбуки-«недо-учебники» в более широкий исторический контекст.

Прежде всего, вспомним «азбуки-восьмилистки» или «азбуки на листе», появившиеся в Москве во второй половине XVII столетия [26. С. 62]. Конечно, прямая аналогия здесь неуместна, но упомянем их, чтобы подчеркнуть: существование изданий, включавших в себя

¹⁰ Мы вовсе не предполагаем рассуждений на тему о том, что было вначале: азбука или букварь. Лишь указываем на то, что пособия рассмотренного нами типа представляют собой «кусочек» более полных и «пространных» учебников, и «кусочек» весьма существенный и важный.

учебный материал, *минимально необходимый* для освоения грамоты, – давняя традиция. В «азбуках-восьмистках» были представлены алфавитный ряд прямого порядка, двух-буквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлом, «числа церковные» и «имена просодиям» (т.е. знаки препинания). Текстов для чтения в них не было, а потому приобрести навык чтения, обучаясь по такой азбуке, было вряд ли возможно. Там не менее они имели огромные по тому времени тиражи и помогли освоить грамоту сотням тысяч людей [Там же. С. 64].

В XVIII в. в отечественной практике книгопечатания понятие «иллюстрированное издание» означало, как правило, наличие в нем гравюр, но не визуальное сопровождение текста. Вербальный и визуальный ряды сосуществовали под одной обложкой, но были почти независимы друг от друга, составляя два (или больше) практически автономных нарратива. В учебном процессе они, вероятно, просматривались / прочитывались порознь.

XIX столетие соединило текст и изображение: в школьном учебнике они теперь «работали вместе», обеспечивали решение одной задачи. На протяжении всего века создатели азбук в картинках разработали, апробировали, распространили своеобразный педагогический опыт – своего рода «изоподход к азбуке», который с наступлением века XX стремительно вышел из границ традиционной образовательной практики и породил плюс к ней поток практик художественных и культурных. Азбуки Елизаветы Бём, Александра Бенуа, Мстислава Добужинского, Николая Чернышева, Ивана Билибина, Владимира Конашевича, Владимира Маяковского, Георгия Нарбута, Сергея Чехонина и им подобные априори не предполагали постановки учебных задач, они создавались как арт-объект и функционировали, прежде всего, именно в этом качестве. Можно было по ним научиться читать? Почему бы и нет... Ведь можно даже так:

А я обучался азбуке с вывесок,

Листая страницы железа и жести.

В. Маяковский

Однако это уже были совсем не учебники, в отличие от азбуки в картинках – учебника, который среди прочего научил взрослых художественным играм с языком и с детством.

Литература

1. Беспалько В.П. Теория учебника. Дидактический аспект. М. : Педагогика, 1988. 160 с. ил.
2. Инструментальная дидактика: перспективные средства, среды и технологии обучения / ФГНУ «Ин-т содержания и методов обучения» РАО ; под ред. Т.С. Назаровой. СПб. : Нестор-История, 2012. 434, [1] с.
3. Оболянинов Н. Заметки о русских иллюстрированных книгах. Азбуки 1760–1860 гг. // Русский библиофил. 1911. № 2. Февраль. URL: <http://www.prodamknigu.com/russkii-bibliofil-le-bibliophile-russe-2-fevral-1911-g>
4. Азбуки, буквари и книги для чтения. Библиографический свод данных / ФГНУ НПО им. К.Д. Ушинского. URL: <http://www.abc.gnpbu.ru/>
5. Nicolajeva M., Scott C. How Picturebooks Work. New York ; London : Taylor & Francis Group, 2006. 293 p.
6. Подарок детям в память 1812-го года: [Азбука в стихах и картинках]. СПб. : Тип. В. Плавильщикова, ценз. 1814. 34 л. цв. ил. в папке.
7. Вольская Н.Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. URL: <http://msub.augvir.ru/node/1803>
8. Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство, 1998. С. 482–493.
9. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.: ил.
10. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 350, [2] с.
11. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 286, [1] с.
12. Пирогов Н.И. Сочинения. 2-е юбил. изд., испр. и доп. Киев : Пирогов. т-во, 1914–1916. Т. 2 : Дневник старого врача, 1916. [7] с., 704 стб., [4] л. портр.
13. Теребенёвская азбука // Череповецкое музейное объединение. URL: <http://чермо.рф/музейное-sobranie/621-terebenevskaya-azbuka>
14. Азбука из разнощинок с прибаутками: Для елки: Подарок детям. М. : Н.А. Калашников и Н.Ф. Коноплев, 1871. [2], 26 л. с ил.
15. Новая русская азбука с картинками. М. : А.А. Абрамов, 1889. 36 с.: ил.
16. Драгоценный детский подарок: Азбука в картинках. Б.м, 1845. Л. 1–2.
17. Русская азбука в картинках: Приятное и полезное занятие для малолетних детей / изд. Н.В. Логинова. М., 1857. [1] с., 32 л. ил.
18. Забава и польза для детей. Азбучка-незабучка. [Москва] : лит. П. Душенкова, ценз., 1866. 2 л. ил.
19. Живописная азбука, или Российско-немецко-французские склады: Для обучения детей, на 32 грав. картинках, изображающих разные любопытные предметы. Вновь испр. и значит. доп. [Москва] : тип. А. Семена, ценз. 1838. 31 л. в общей обл.-папке с. ил.

20. Азбука в картинках для маленьких детей. М. : А.Д. Ступин, 1893. 32 с.: ил.
21. Азбука Елка Новый золотой подарок для миленьких друзей. М. : Лит. П. Душенкова, ценз. 1867. [1] с., 3 л. ил.
22. Азбучка: Подарок детям, состоящий из 18-ти раскидных картинок, зверей / Изд-е Андреева. [Москва], ценз. 1864. [18] с. на 1 складном л.: ил.
23. *Обольянинов Н.* Заметки о русских иллюстрированных изданиях. Игры детские. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915. 31 с.
24. *Умнов А.* Новая русская азбука в картинках, приспособленная к звуковому обучению букв / сост. А. Умновым. СПб. : лит. Гробовой, 1884. 4 л.: ил.
25. Занимательная роскошная азбука-жемчужинка для умненьких малюток. [Санкт-Петербург] : А. Меламед, ценз., 1885. 2 л.: цв. ил.
26. *Мошкова Л.В.* Азбука-восьмилистка XVII в.: история и проблемы изучения // Вестник славянских культур. 2012. № 1. С. 62–67.

“FUN AND USE FOR CHILDREN”: PICTORIAL ABCS IN THE RUSSIAN EDUCATIONAL BOOK PUBLISHING OF THE 19TH CENTURY

Tekst. Kniga. Knigoidanie – Text. Book. Publishing, 2017, 14, pp. 76–99.

DOI: 10.17223/23062061/14/5

Ekaterina Yu. Romashina, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: katerinro@yandex.ru

Keywords: pictorial ABC, primer, textbook, visuals, learning to read, literacy.

The author examines and analyzes pictorial ABC books, published in Russia in the chronological interval of 1815–1893. This type of edition is described as a special “frontier phenomenon”, occupying an intermediate position between the textbook and the toy. A typology of such editions is suggested depending on their content and the structure-functional relationship of the text and the visuals. The following types are distinguished.

The “plot type”: in such a manual each letter is accompanied by a short text (usually poetic) that begins with this letter and a story illustration, meaningfully and functionally related to the text. A vivid example is *Azbuka v stikhakh i kartinkakh. Podarok detyam v pamyat' 1812-go goda* [The ABC book in verse and pictures. A gift to children in memory of the year 1812] (1815), well-known as “Terebenev’s ABC” (by the name of the author). The manual of this type did not contain any materials for training the sounding, syllabic and / or connected reading. They only helped to learn the letters. Texts and multi-figured illustrations served as a “subject” for educational conversations with the child.

The “subject type”: in such a manual, as a rule, the “field” of the letter is formed by a word (or several words) starting with the letter; a picture of the object / person / action corresponding to the word; the Church Slavic “name” of the letter and a multi-figure illustration. In the illustration, either one (or main) foreground object is “inscribed” into a relevant landscape, or several objects (and / or people) are meaningfully and visually combined into a group. This edition often had a subtitle: “A Gift”, which, on the one

hand, emphasized its importance and value for the adult buyer / presenter and the child reader, on the other, “took away” from the boring concept of a “textbook”.

The “mosaic type”: the manual is a “mobile” or “folding” ABC, it contained a sheet with letters repeated several times using different fonts; punctuation marks; figures and several illustrations. It was assumed that the sheet would be cut into individual cards, the child would fold them “like a Chinese puzzle”. Although this manual is not very similar to the textbook, the presence of several (many) sets of letters and the opportunity to add, combine, move and expand created a certain interactive “learning space”.

On the basis of sociocultural, semiotic, linguocultural and didactic analysis, the author comes to a conclusion that pictorial ABCs should be attributed to primers, because they contain: goals and objectives of learning; didactically processed content of human activities experience; a certain organization form of the educational process; an expressed technology and methods of teaching and learning.

References

1. Bepalko, V.P. (1988) *Teoriya uchebnika. Didakticheskiy aspekt* [Textbook Theory. Didactic Aspect]. Moscow: Pedagogika.
2. Nazarova, T.S. (ed.) (2012) *Instrumental'naya didaktika: perspektivnye sredstva, sredy i tekhnologii obucheniya* [Instrumental didactics: Perspective means, environments and technologies of training]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Obolyaninov, N. (1911) Zametki o russkikh illyustrirovannykh knigakh. Azbuki 1760-1860 gg. [Notes on Russian illustrated books. The ABC-books of 1760-1860-s.]. *Russkiy bibliofil*. 2. [Online] Available from: <http://www.prodamknigu.com/russkii-bibliofil-le-bibliophile-russe-2-fevral-1911-g>.
4. K.D. Ushinsky Research Pedagogical Library. (n.d.) *Azbuki, bukvari i knigi dlya chteniya. Bibliograficheskiy svod dannykh* [Alphabets, ABC-books and books for reading. Bibliographic data]. [Online] Available from: <http://www.abc.gnpbu.ru/>.
5. Nicolajeva, M. & Scott, C. (2006) *How Picturebooks Work*. New York; London: Taylor & Francis Group.
6. Anon. (1814) *Podarok detyam v pamyat' 1812-go goda: Azbuka v stikhakh i kartinkakh* [A Gift to Children in Memory of 1812: The ABC-book in verse and pictures]. St. Petersburg: V. Plavilshchikov.
7. Volskaya, N.N. (2015) *Precedent Verbal and Visual Phenomena as the Basis for Historiography in Terebenev's ABC Book, the First Political Cartoon in Russia*. [Online] Available from: <http://msu6.augvir.ru/node/1803>. (In Russian).
8. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo. pp. 482–493.
9. Vishlenkova, E.A. (2011) *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the empire, or “Not Everyone can see the Russian”]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Krasnykh, V.V. (1998) *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya* [Virtual reality or real virtuality? Human. Consciousness. Communication]. Moscow: Dialog-MGU.

11. Gudkov, D.B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.
12. Pirogov, N.I. (1916) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 2. Kiev: Pirogov. t-vo.
13. Anon. (n.d.) *Terebenevskaya azbuka* [Terebenev's ABC Book]. [Online] Available from: <http://chermo.rf/muzejnoe-sobranie/621-terebenevskaya-azbuka>.
14. Anon. (1871) *Azbuka iz raznoshchikov s pribautkami: Dlya elki: Podarok detyam* [The ABC-book from the pedlars with jokes: For the Christmas tree: A gift to children]. Moscow: N.A. Kalashnikov i N.F. Konoplev.
15. Anon. (1889) *Novaya russkaya azbuka s kartinkami* [New Russian ABC-book with pictures]. Moscow: A.A. Abramov.
16. Anon. (1845) *Dragotsennyy detskiy podarok: Azbuka v kartinkakh* [Precious Child's Gift: ABC in Pictures]. [s.l.; s.n.].
17. Anon. (1857) *Russkaya azbuka v kartinkakh: Priyatnoe i poleznoe zanyatie dlya maloletnikh detey* [Russian alphabet in pictures: A pleasant and useful lesson for young children]. Moscow: N.V. Loginov.
18. Anon. (1866) *Zabava i pol'za dlya detey. Azbuchka-nezabudochka* [Fun and Benefit for Children. The Alphabet Book not to forget]. Moscow: P. Dushenkov.
19. Anon. (1838) *Zhivopisnaya azbuka ili rossiysko-nemetsko-frantsuzskie sklady. Dlya obucheniya detey, na 32 grav. i raskrash. kartinkakh, izobrazhayushchikh raznye lyubopytnye predmety* [Picturesque alphabet or Russian-German-French syllables: For teaching children, on 32 engraved and coloured pictures depicting various curious objects]. Moscow: A. Semen.
20. Anon. (1893) *Azbuka v kartinkakh dlya malen'kikh detey* [The ABC-book in pictures for young children]. Moscow: A.D. Stupin.
21. Anon. (1867) *Azbuka Elka. Novyy zolotoy podarok dlya milen'kikh družey* [The Christmas Tree Alphabet. A new golden gift for dear friends]. Moscow: P. Dushenkov.
22. Anon. (1864) *Azbuchka: Podarok detyam, sostoyashchikh iz 18-ti raskidnykh kartinok, zverey* [The ABC-book: A gift to children, of 18 foldout pictures, animals]. Moscow: Izd. Andreeva.
23. Obolyaninov, N. (1915) *Zametki o russkikh illyustrirovannykh izdaniyakh. Igry detskie* [Notes on Russian illustrated editions. Children's Games]. Moscow: A.I. Mamontov.
24. Umnov, A. (1884) *Novaya russkaya azbuka v kartinkakh, prisposoblennaya k zvukovomu obucheniyu bukv* [A New Russian ABC-book in pictures, adapted to sound learning of letters]. St. Petersburg: lit. Grobovoy.
25. Anon. (1885) *Zanimatel'naya roskoshnaya azbuka-zhemchuzhinka dlya umnen'kikh malyutok* [Entertaining Luxurious Alphabet-Pearl for Clever Babies]. St. Petersburg: A. Melamed.
26. Moshkova, L.V. (2012) *Azbuka-vos'milistka XVII v.: istoriya i problemy izucheniya* [The Eight Page Alphabet Book of the eighteenth century: The history and problems of study]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 1. pp. 62–67.